

УДК 81'42
ББК 81.2-5

Г.О. Мкртычова

**ДИСКУССИЯ О
СЛОВАХ КАТЕГОРИИ
СОСТОЯНИЯ В ИСТОРИИ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОЕКЦИИ**

Анализируются основные подходы и положения о частеречной принадлежности слов категории состояния в диахронии. Фактический материал указывает на справедливость положения о переходном, транспозитивном характере этой части речи, которая формировалась на пересечении и во взаимодействии глагольных и именных категорий, на базе имен существительных и кратких прилагательных, утративших отличительные признаки (род и склонение).

Ключевые слова: *слова категории состояния, предикативы, частеречная принадлежность, аналитизм категоризации.*

Мкртычова Галина Ованесовна – соискатель, преподаватель иностранных языков ГОУ СПО «Донской педагогический колледж»
Тел.: 8 (863) 293-86-96; 8 (863) 251-78-82
E-mail: donpedcollege@donpac.ru

Истоком дискуссии следует, очевидно, считать решение А.Х. Востокова присоединить слова типа *жаль, рад, готов, нельзя, лъзя* к глаголам. Точка зрения не была поддержана (при этом авторы грамматик XIX в. — К.С. Аксаков, Г.П. Павский — ссылались на историко-генетическое родство кратких форм имен прилагательных с существительными). Только Н.П. Некрасов в книге «О значении форм русского глагола» выступил решительным последователем Востокова и привел собственные доводы в защиту этой концепции: «Как глагол через прилагательную форму может усвоить себе значение чисто прилагательного имени, так, наоборот, прилагательное имя, через краткую форму с окончанием среднего рода или с безразличным окончанием, может принимать значение глагола, например:

И, полно, что за счеты!

Лишь стало бы охоты.

Здесь *полно* от прилагательного *полный* имеет значение глагола в абсолютно-личной форме на *-и*. Таким образом, глагол в развитии своих форм преобразуется в имя прилагательное, имя прилагательное в сокращении своих форм преобразуется в глагол» [Некрасов, с. 248].

Следующим этапом было признание грамматистами кратких прилагательных «спрягаемыми словами» (А.А. Шахматов, В.А. Богородицкий).

Даже сам автор идеи выделения в особую часть речи слов категории состояния Л.В. Щерба оговаривал: «Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая

и убедительная категория в русском языке» [Щерба, с.17]. Тем более не представляется убедительной эта «часть речи» многочисленным противникам категории состояния в качестве самостоятельной части речи. О том, что отстаиваемая категория имеет «грамматическое ядро», образуемое такими словами, которые в современном русском языке уже не могут быть связаны ни с каким другим определенным грамматическим классом, пишет В.В. Виноградов [Виноградов, с. 319–335]. Все противоречия В.В. Виноградов стремится снять неоднократным подчеркиванием того, что категория состояния – не окончательно сформировавшаяся часть речи с ярко очерченными границами и морфологическими показателями, а грамматическая категория, активно развивающаяся и формирующаяся на почве сложного грамматического переплетения свойств и функций имени, глагола и наречия.

Дискуссия о словах категории состояния в отечественном языкознании прошла в 40–50-х гг. прошлого века. В поддержку «новой части речи» выступили В.В. Виноградов, Е.М. Галкина-Федорук, А.В. Исаченко, И.И. Мещанинов, Н.С. Поспелов и др. Против нововведения выступили А.Б. Шапиро, О.К. Балиашвили. Так, И.И. Мещанинов [Мещанинов, с. 270–274] рассматривает выделение этого класса слов в особую часть речи как лексическое их обособление, покоящееся на синтаксической основе. Важное положение содержится в концепции Н.С. Поспелова [Поспелов, с. 57]: «Слова категории состояния – и в этом коренное отличие их от глаголов и кратких прилагательных – являются не предикативными словами вообще, а безлично-предикативными словами, которые могут употребляться или бессубъектно, или с дательным субъекта в качестве конструктивно необходимого дополнения, или с инфинитивом для выражения действия, приписываемого субъекту».

Для выяснения грамматической природы «слов категории состояния» Е.И. Воинова [Воинова, с. 9] сопоставляет конструкции: *Ему было больно глотать* и *Ему было вредно курить*. Различие между ними заключается в следующем:

1. Безлично-предикативные слова (*больно, стыдно, холодно, душно*) выражают состояние субъекта. Они достаточно полнозначительны и поэтому могут выступать и вне сочетания с инфинитивом (*Ему больно, стыдно, холодно, душно*). Слова типа *вредно* имеют оценочное значение, они обозначают признак, характеристику действия, мыслимого опредмеченно, что сближает их по функции с именами прилагательными. Вне сочетания с инфинитивом они не употребляются: *Ему опасно, вредно, целесообразно*. Оценочные слова выступают сказуемыми только в личных предложениях (в частности, при подлежащем, выраженном инфинитивом).

2. Двусоставность конструкций с оценочными словами на *-о* подтверждается возможностью синонимических замен обоих главных членов. Инфинитив может заменяться отглагольным существительным: *Курить вредно – Курение вредно*; слово на *-о* допускает замену

описательным выражением: *Переезжать – хлопотное дело* (ср. невозможность подобных замен с безлично-предикативным словом: *Глотание было больно. Глотание было больное дело. Сидение в нетопленной комнате холодно. Сидеть в нетопленной комнате было холодным.*) Это свидетельствует о высокой степени спаянности компонентов безличной конструкции, несопоставимой с двусоставными личными предложениями.

3. Дательный падеж для обозначения субъекта состояния типичен для безличных конструкций, в то время как дательный падеж в конструкции с оценочными словами имеет значение не субъекта, а объекта с оттенком выгоды, невыгоды, назначения, интереса и т.п. И дательный падеж не является органически существенным членом конструкции. Форма дательного падежа или невозможна (*Много говорить о себе бестактно.*), или легко может быть опущена без ущерба для смысла (*С ним (мне) говорить приятно.*). Дательный падеж может быть заменен предложным оборотом (предлог *для* + род. падеж): *Курение ему (=для него) вредно.*

4. Синтаксическая роль инфинитива в сравниваемых конструкциях различна. В предложении с оценочными словами инфинитив является независимым членом предложения – подлежащим; в безличных предложениях инфинитив зависим, он примыкает к безлично-предикативному слову, образуя вместе с ним безличное сказуемое.

Из этого сопоставления двух внешне однотипных конструкций вытекает вывод: оценочные слова на *-о* являются краткими формами прилагательного (среднего рода), выступающими в единственно возможной для них роли сказуемого. Проведя таким образом различие между краткими прилагательными и словами категории состояния, Е.И. Воинова «выводит» из состава категории состояния обширный (по ее оценкам – до 800 слов) класс оценочных лексем. В таком случае «претендентов» остается не более 100. И сама немногочисленность (компактность) разряда становится аргументом непризнания их самостоятельной частью речи [Воинова, с. 8].

Л.Л. Буланин [Буланин, с. 180] полагает, что главная причина, по которой не следует выделять слова категории состояния в особую часть речи, состоит в том, что они «не обладают общим грамматическим значением», что «значение состояния не является грамматическим». Однако стоит заметить, что сама малочисленность вряд ли может стать решающим доводом. Традиционный класс местоимений (особенно – в такой трактовке, которую находим, например, в трудах В.В. Виноградова, считавшего, что это реликтовый, непополняемый класс, куда следует отнести только разряды личных и возвратных местоимений) малочислен, однако вряд ли на этом основании может быть сделан вывод об отсутствии этой части речи. Ограничен состав числительных (точнее – морфем, из которых составляются числительные, хотя, естественно, что это в то же время и бесконечный класс

единиц, так как считать можно бесконечно), но на этом основании их тоже не выводят из классификаций слов по частям речи.

Нерешенность проблемы слов категории состояния отражается и в учебной литературе. Так, в работе В.А. Трофимова, с одной стороны, признается часть речи — слова категории состояния, а с другой — указывается, что лучше разделить «категорию стояния» по частям речи, чем разбивать части речи ради категории состояния [Трофимов, с. 255].

Интересное решение предлагает В.Н. Мигирин, который считает, что этот спорный класс слов следует отнести к бессубъектным прилагательным, т.е. таким, которые не сочетаются с подлежащим. Подобно тому как среди глаголов выделяются безличные (бессубъектные), т.е. утратившие способность к согласованию с подлежащим, существуют и бессубъектные прилагательные, лишённые способности к согласованию [Мигирин, с. 120–129].

Противники «слов категории состояния» как самостоятельной части речи оставляют открытым вопрос о частеречной принадлежности слов типа *жаль, надо, можно, нельзя*. Так, содержащая убедительную критику «новой части речи» статья А.Б. Шапиро [Шапиро, с. 54] завершается признанием, что эти слова остаются «беспризорными», так как не могут быть включены ни в один из существующих морфологических классов. А.Б. Шапиро пишет: «Слова могут, в связи с общим ходом развития языка, выпасть из тех морфологических классов, в состав которых они ранее входили, не переходя в другие классы, но выполнять при этом те или иные синтаксические функции». Теория «категории состояния как части речи» в этом отношении обладает большей объяснительной силой: перечисленные лексические единицы как раз и составляют «ядро» категории.

В истории изучения слов категории состояния можно выделить определенные этапы. Первый этап связан, прежде всего, с именем А.Х. Востокова. Смысл этого этапа в том, что лингвисты обратили внимание на некое «инородное тело» в системе традиционных частей речи, т.е. обратили внимание на то, что для слов типа *можно, нельзя, надо* трудно определить частеречную принадлежность. Второй период начинается с 1928 г. — со статьи Л.В. Щербы, где впервые слова категории состояния предложено (хотя и с оговорками) считать самостоятельной частью речи. Наиболее значимой для этого периода была детальная разработка проблемы слов категории стояния в книге В.В. Виноградова «Русский язык». В.В. Виноградов понимал данную часть речи широко и включал в ее состав не только предикативы безличных предложений, но и слова со значением состояния, которое приписывается тому или иному лицу или субъекту, названному подлежащим в именительном падеже, т.е. случаи *я рад, ты должен* для В.В. Виноградова тоже слова категории состояния.

Следующий важный этап связан с работами Е.М. Галкиной-Федорук, которая последовательно провела принцип аналитизма ка-

тегоризации (не используя, однако, данного термина). Е.М. Галкина-Федорук отнесла к словам категории состояния только несклоняемые единицы, которые выполняют роль сказуемого в безличном предложении, т.е. категория состояния стала определяться как безлично-предикативные слова. Эта точка зрения стала очень распространенной.

Современный этап изучения проблемы не отличается единством взглядов ученых на рассматриваемый объект. Как правило, авторы современных монографических работ, которые обращаются к данной проблематике (П.И. Шлейвис, О.В. Тюкинеева и др.), признают частеречный статус слов категории состояния. Однако академические грамматические описания рассматривают эту категорию либо как лексическую, либо как лексико-грамматическую группировку в рамках традиционных частей речи. Дело осложняется еще и тем, что проблемы морфологии (и частеречная проблематика) сегодня явно не входят в число приоритетных.

П.И. Шлейвис [Шлейвис, с. 8] пишет: «В современном русском языке большинство грамматистов признают «категорию состояния» как самостоятельную часть речи, имеющую свои семантические, морфологические и синтаксические характеристики». Трудно судить, большинство или меньшинство грамматистов (а может быть, сторонники и противники разделились поровну?) признают эту часть речи. Однако очевидно другое. Авторы академических изданий явно не входят в это «большинство»: в «Русской грамматике» [с. 705] один небольшой параграф в разделе «Наречие» посвящен предикативным наречиям и предикативам. Обе группы относятся здесь к качественным наречиям. Предикативные наречия означают состояние – субъектное или бессубъектное (*совестно, стыдно, тошно, весело, грустно, радостно, ветрено, пустынно, пусто*). Предикативы – это, согласно «Русской грамматике», слова с модальными значениями долженствования, необходимости, возможности. Это самостоятельные слова, не соотносимые с качественными наречиями и краткими прилагательными (*должно, можно, надо, нельзя*).

В еще более лаконичном параграфе 1132 «Русской грамматики», в разделе, посвященном лексико-грамматическим разрядам имени существительного, речь идет об особой группе существительных, которая выделяется своими синтаксическими свойствами. Это предикативы типа *время* ‘подходящая, удобная пора’, *грех* ‘грешно, нехорошо’, *досуг, недосуг* ‘есть свободное время, нет свободного времени’, *охота, неохота* ‘хочется, есть желание, не хочется, нет желания’, *пора* ‘настает срок, время’. К предикативам причисляются также слова *жаль, лень*.

Таким образом, о словах категории состояния речь не идет вовсе и не признается единство этого класса: такие слова распределяются между наречиями и существительными в качестве особых групп, выделяемых исключительно по синтаксическому признаку – функции предикатива.

Так что можно утверждать: дискуссия о словах категории состояния не завершилась выработкой единого подхода к данному классу языковых единиц.

В энциклопедии «Русский язык» речь идет о «предикативах», причем пафос статьи, написанной В.А. Плотниковой [с. 368–369] состоит в том, что дискуссия об этой категории фактически «сошла на нет»: последняя фраза этой статьи гласит: «В “Русской грамматике” (1980) и “Краткой русской грамматике” (1989) предикативы (категория состояния) в качестве самостоятельной части речи не рассматриваются». Наконец, в Большом энциклопедическом лингвистическом словаре «Языкознание» термин «категория состояния» только один раз упоминается в статье «Виноградовская школа»: «Виноградов создал новую систематизацию частей речи, практически применив предложенный Щербой критерий синтаксических свойств слова: в систему частей речи были включены “частицы речи”, модальные слова и категория состояния» [с. 84]. Никаких других упоминаний о новой части речи в этом издании не содержится. В свете сказанного утверждение П.И. Шлейвиса о преимущественном признании категории состояния самостоятельной частью речи представляется более чем сомнительным.

Толковые словари при всех группах слов категории состояния дают единую помету – «в знач. сказуемого», которая не может не вызвать вопрос: изменилось ли что-либо в частеречной природе слова *пора*, когда оно используется в значении сказуемого? А что касается слов *надо*, *нужно*, *нельзя*, то ведь указанием только на синтаксическую функцию вопрос о категориальной принадлежности этих слов никак не решается. То есть лексикография (конечно, специально не оговаривая этот вопрос) следует той точке зрения, что не все слова можно распределить по частям речи, какие-то могут остаться за пределами классификации.

Нельзя сказать, что сегодня слова категории состояния находятся в центре исследовательского внимания лингвистов (как и вообще морфологическая проблематика). Дискуссии по вопросам их частеречного статуса остались в прошлом. Между тем этот лексико-грамматический класс сегодня активно пополняется, новые языковые факты (в том числе – из сфер, отчасти «маргинальных», ср. такие жаргонные единицы, как *прикольно*, *глухо*, *фиолетово*; последнее слово даже вошло в «Словарь модных слов» Вл. Новикова) могут дать материал для новых выводов и обобщений относительно их категориального статуса, грамматических особенностей и дискурсивных возможностей.

Литература

- Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976. 207 с.
Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. 614 с.

Воинова Е.И. Предикативные слова на -о, сочетающиеся с инфинитивом, в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук, Л., 1965.

Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Тр. Военного ин-та иностранных языков. М., 1945. № 1. С. 3–25.

Мигирин В.Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? М., 1970.

Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865. 313 с.

Плотникова В.А. Предикативы // Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1997.

Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 55–65.

Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. 783 с.

Трофимов В.А. Современный русский литературный язык. Л., 1957. 325 с.

Шатино А.Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // Вопросы языкознания, 1955, № 2. С. 42–54.

Шлейвис П.И. Слова – предикативы в английском языке. Ростов н/Д., 1985. 128 с.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Русская речь / под ред. Л.В. Щербы. Новая серия II. Л., 1928. С. 3–25.

Языкознание : большой энциклопедический словарь : 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998.